

Часть третья

**История
восстановления храма
и приходской жизни**

**Воскреси, Господи, в покой Твой,
Ты и кивот святыни Твоея**

*Я расскажу спокойным голосом,
пригнув назойливые ветки,
О том, что вижу между листьями,
о том, что слышу здесь, сейчас:
Свечой, игрушкой, желтым колосом,
стоит невыдуваемый, редкий,
Стоит, как человек бы встал,
зоя с любовью, с миром нас.*

*Слова его, пора пристала,
поднимут глухое волнение,
Услышат, соберутся ближние,
у дальних – сердце защежит.
И в Дом Господень внидут верные,
подымут теплые моления,
И Дом Господень, Божье зеркало,
их небеса преобразит.*

*А дальним остается зрение,
смотреть на стены, слышать пение,
А дальним – грусть и расставания,
глубоки запутанных дорог.
Но вот в ветвях проглянет куполом,
но вот послышится бисение,
Но призывает всех на бдение,
то призывает дальних – Бог.*

От камня сего...

После празднования в 1988 году тысячелетия Крещения Руси по всему Отечеству нашему началось заметное возрождение церковной жизни. Поскольку в годы безбожного лихолетья «разрушено до основания» было многое, то и восстановлению подлежало буквально все. Для нормальной жизни прихода необходимы: храм как место молитвы, община верующих людей, чтобы обеспечить богослужение, и священнослужитель, способный организовать и возглавить духовную жизнь на приходе. Ни одного, ни другого, ни третьего в Архангельском-Тюриково к началу 90-х годов не было – лишь, по слову пророка, *мерзость запустения* (Дан. 11:31) на святом месте. Однако, не зря в Евангелии говорится, *яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму* (Мф. 4:9).

И вот Господь, дабы воскресить плачевное место сие для молитвы и благочестия, Сам воздвиг «от камня сего» делателей Своих.

В 80-90-е годы в Москве, как и по всей стране, стали сами собой складываться группы энтузиастов, готовых безвозмездно трудиться над восстановлением разрушенных памятников архитектуры – главным образом церквей. «Старый храм молодые люди восстанавливали», – вспоминает один из участников тех работ. Многие из них были некрещенные и неверующие, но все были движимы единым благородным мотивом: внести свою лепту в восстановление поруганных святынь. Церковных людей, привитых к традиционному православному благочестию, были

между этими подвижниками считанные единицы. Многие воцерковлялись в процессе своего участия в работах по возрождению храмов.

Среди них редко можно было увидеть профессиональных реставраторов. Весь труд в основном сводился к расчистке завалов, разгребанию мусора и сохранению под временным покрытием уцелевших остатков разрушающихся святынь. Большинство трудников работали не на одном объекте, но встречались со своим кругом единомышленников в разных храмах и монастырях.

Такая, видно, у них была харизма – открывать храмы и готовить их передачу Московской Патриархии, но не участвовать в дальнейшем становлении церковной жизни на приходе.

* * *

Наш храм начал свое возрождение силами именно таких добровольцев-энтузиастов, ставших орудиями Божиими в деле восстановления и передачи Церкви храма Успения в Архангельском-Тюриково.

Вспоминая о тех временах, один из участников работ, Сергей Кораблев, признается:

– Делали и делали... не знали даже, для чего – никто не верил, что батюшка может в этом храме когда-нибудь появиться. Вроде бы государство допустило все это... мысль была: «А может, мы и есть – то государство?»

Некоторый опыт у группы восстановителей нашего храма, однако, имелся – Успенская церковь была

для них уже не первой, где они подвизались. Начинали еще с деревянного храма прп. Сергия Радонежского в Чернецово – того самого, что стал в 20-х годах центром Серафимовской монашеской «коммуны», работавшей на землях Архангельского-Тюриково. Верующим этот Сергиевский храм передали в 1994 году, но еще много лет регулярные службы в нем не велись.

Потом был храм преподобного Сергия Радонежского в Бибирево. Долгие годы он возвышался посреди жилого района, полуразрушенный и одинокий, а благодаря стараниям потрудившихся в нем в конце 80-х годов энтузиастов, праздновал в 1993 году свой столетний юбилей уже действующим, в должном благолепии.

Однако, ни в Сергиевском храме в Чернецово, ни в Сергиевском храме в Бибирево никто из группы восстановителей не задержался. Видно, к новым обязанностям церковного послушания не всегда были готовы сами восстановители, и как только в новооткрытые храмы назначался настоятель, многие трудники оставляли полюбившееся место и переходили на очередной объект. Так, после открытия храма прп. Сергия в Бибирево от протоиерея Петра Давыдова группа восстановителей почти в полном составе перешла в храм Успения в Архангельском-Тюриково. Точно так же и отсюда некоторые из них впоследствии отправлялись восстанавливать другие храмы Подмосковья (преимущественно по Савеловскому направлению), кто-то – еще до начала литур-

гической жизни в нашем храме, кто-то – после начала богослужений.

Больше всего среди первых восстановителей у нас было Сергеев. Так что в шутку группу называли иногда «артелью семи Сергеев». Любопытно, что, как мы уже отметили, в Успенский храм эта «артель» пришла после восстановления двух церквей во имя преподобного Сергия Радонежского – в Чернецово и в Бибирево. А вскоре после начала богослужения в храме Успения здесь обретаена была чудотворная икона «Явление Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому»...

Мы благодарны всем, кто вложил свою лепту в сохранение храма, который мы поныне восстанавливаем, благоукрашаем и в котором совершаем богослужения. И в особенности: Сергею Кузнецову (ставшему впоследствии первым старостой), Сергею Кораблеву (ныне – завхозу храма Живоначальной Троицы в Останкино), Сергею Григорьеву (старшему алтарнику нашего храма), Александру Мягкову (бывшему также алтарником), Елене Румянцевой (нашему первому казначею), Ивану, Марии Михайловне, Борису Петровичу, семейству Кириных, Таисии Басовой (до смерти своей неизменно стоявшей за свечным ящиком в нашем храме), Илье Олейнику, Марине Новиковой, Татьяне Герасимовой (Сенкевич), Николаю Моисееву и другому Николаю. Некоторые из них вместе с Фатюниным Ю.М., Ковалевой Любовью, Барановой Ольгой и Лебедевой Ниной (ныне – монахиня Георгия) входили в состав инициативной группы МГО ВООПиК.

Когда первая тройка энтузиастов пришла в храм осмотреть его перед началом хозяйственных работ, они встретили под церковными сводами группу молодежи, жарившую на углях шашлыки. Разговаривать об архитектуре храма, о его истории было, по всей видимости, бесполезно – компания с совершенной отчужденностью отнеслась к вошедшим. Отчужденность сменилась открытой враждебностью, когда мужчины, оглядываясь, упомянули между прочим, что намерены начать восстановление церкви. «Больные» – произнес кто-то из ребят.

Трудно сказать, на чем была основана вера этих людей. Они не имели ни церковного благословения, ни материальных средств, ни профессиональных навыков строительства... Но у них были мечты о будущем настоятеле и о начале богослужения под разрушенными сводами: «Выстроим все – и службы здесь будут!»

– Страшно тогда и думать об этом было, – вспоминает Сергей Кораблев, рассказывая о своем первом появлении в Успенском храме, – ведь это еще 80-е годы, советская власть... Нельзя было себе и представить, что сможет здесь когда-нибудь священник служить. Тем более, что первой нашей мыслью и словами первыми было, когда храм осмотрели: «Нам здесь не поднять...»

Однако, несмотря на страхи и трудности, новые хозяева взялись за работу. Всю первую осень восстановительные работы велись параллельно с занятиями альпинистов. Скалолазы без особого участия отнеслись к новой регулярно появ-

лявшейся здесь по выходным дням группе людей. И у тех, и других было свое дело. Но вскоре стало ясно, что одно дело рано или поздно должно вытеснить другое.

Тогда начались переговоры. Большинство спортсменов к просьбе прекратить здесь тренировки отнеслось понимающе. Стороны пошли на компромисс: еще год, до осени 1991, альпинисты могли пользоваться колокольней, в то время как строители будут заниматься окончательно «возвращенным Церкви» четвериком.

Раздавались, конечно, и голоса недовольных:

– Постройте нам взамен горку для тренировок, тогда и уйдем.

К разбирательствам пришлось даже привлечь милицию. Помогла официальная справка о присвоении церкви статуса памятника архитектуры. Капитан милиции заявил безапелляционно:

– Это – памятник, и всякие покушения будут пресекаться. Вот видите подпись: «Коренной»! – никто, кроме, наверное, самого капитана, понятия не имел, кто это – Коренной, но службу храму он своей подписью сослужил изрядную.

Так, трудом и дипломатическими переговорами, первоначальная группа восстановителей выполнила важнейшую для будущей жизни прихода задачу – защиты разрушенного здания храма от окончательного уничтожения. В этом их главная и несомненная заслуга.

Одновременно с тем удалось отводить от бывшего пустынного места кладоискателей, всегда промышляющих в развалинах и руинах.

До восстановления алтаря очередь дойдет еще не скоро...

В обступавших храм со всех сторон огромных лопухах встречались древние каменные надгробья. Разочаровавшись найти что-то в стенах храма, кладоискатели сворачивали тяжелые плиты со своих мест и копали под ними, приходившие позже их коллеги проделывали то же самое с уже сдвинутыми камнями – и год за годом люди с усердием вскапывали землю, обильно зараставшую по весне сорняками. Теперь белокаменные надгробья наконец-то вновь обрели покой.

Сегодня на своем прежнем месте остались только две могилки. Одна из них – умершего в младенчестве

Сережи Мурлыкова из рода, о котором говорилось выше.

* * *

Чем же занимались первые восстановители во главе с Сергеем Кораблевым? Меньше всего их труд можно было бы назвать реставрацией. Не будет преувеличением сказать, что буквально ничего – ни одного гвоздя, ни одного кирпича – из сделанного ими сегодня не сохранилось. Не сохранилось в храме, в котором впоследствии производились профессиональные реставрационные работы. Не сохранилось в трапезной, которая, к сожалению, сгорела. Не

**Первым делом
восстановители
замуровали
окна и подняли
леса для
сооружения
временной
кровли**

сохранилось и в рабочем вагончике, отслужившем свой срок. Новым прихожанам сегодня ничто не напомним о жизни и деятельности тех, кто трудился перед началом богослужения.

Все первоначальные работы носили характер временный, и нужны были лишь для того, чтобы сохранить, «законсервировать» памятник XVIII века от необратимого и окончательного разрушения.

Алтарь стоял с обрушившимся сводом и разобранной на две трети кладкой в апсиде. Для предотвращения свободного доступа во святая-святых строители забаррикадировали пролом в алтарной стене тяжелым деревянным срубом в форме колодца. Еще несколько лет алтарю суждено будет пребывать без кровли. Царские

и дьяконские ворота были наглухо заложены кирпичом.

Были замурованы дверные проемы храма. С южной стороны повесили обитую дерматином временную дверь с замком и засовом.

Бесформенные провалы в стенах также закрывали щитами из бросовой нестандартной доски. Вспоминают: «Из гнилого делали». Из такого же дерева, за неимением лучшего, сколачивались самодельные рамы. Однако их чуть ли не еженедельно выламывала продолжавшая уже из азарта борьбы приходить к храму молодежь. Рвались в храм при любой возможности и самые непримиримые альпинисты. Пришлось поэтому наглухо закладывать все окна кирпичом, отчего внутри стало совсем темно. Струился

разве что неверный свет от прорех в высоком своде четверика. А нужно было закрывать и их. Ведь у храма тогда не было ни кровли, ни пола. До уровня выломанных подоконников стены были завалены толстым ковром щебня, камней и земли со следами кострищ. Едва отодвинутый от дверей, мусор слежавшимся утоптанном словом загромождал все внутреннее пространство храма. Убирать эти кубометры мусора поначалу взялись всего два человека, две женщины – Галина Ивановна и Галина Михайловна (поди вспомни теперь их фамилии). Внутри храма они попадали через окна и, поработав лопатами, увозили одну за другой до краев наполненные ручные тележки. То были настоящие раскопки – копали до тех пор, пока не показалась твердая земля, на первое время земляной пол и оставили. Входя в совсем темный храм и переступая через порог, непривычный человек теперь «проваливался» вперед, не чувствуя ногой пола там, где подсознательно ожидал его. Но твердый земляной пол упасть не давал, вовремя подпирая ногу. Через такое ощущение при первом входе в храм прошли многие прихожане до тех пор, пока не был настлан пол деревянный.

* * *

В 1991 году около храма появилось первое жилое помещение. Это был зеленый строительный вагончик, который побывал и сторожкой, и кухней, и столовой, и братской (и который окончательно разобрали только во время приготовлений к празднованию юбилея храма). Стройматериалы искали где кто мог. Рассказывают, что один из трудников – Николай

Моисеев – известил о назначенной к сносу старой заводской ограде. Доски с ветхого забора отдирали по колено в воде. А потом их вручную волочили к храму. Из них-то и сколотили вагончик, обив его старым железом. Здесь, заперев окна ставнями на болтах, теперь стало возможным, уходя, оставить инструмент.

Прихожанка нашего храма, школьная учительница Валентина Ивановна Черпинская вспоминает о своем первом случайном приходе сюда: «...возле храма было человек десять, они работали так усердно, так спокойно-уверенно, так молча-сосредоточенно, что мы с мужем невольно застыли». И продолжает: «Было за полдень, довольно жарко. Один какой-то невзрачный вагончик стоял около разбитого, как будто специально изуродованного варварами здания – ни дверей, ни крыши, ни целой стены – одни руины на бутристой земле; кругом поваленные деревья с такими длинными ветвями, что как в дебри попал, не обойдешь; и груды обломанных кирпичей, так крепко когда-то раствором сцепленных, что, как ни трудился кто-то, пытаюсь разбить их, не смог разъединить; ни забора, ни ограды – подходи с любой стороны». Воспоминание относится к тем временам, когда в церковном дворе росло несколько изрядной толщины деревьев, успевших вырасти за годы запустения. Мешающие проходу (одно росло в нескольких шагах от центрального входа) деревья рубили, веревками вырывая потом из земли пни с могучими метровыми корнями.

* * *

“Эй, ухнем!” - расчистка площадки перед входом в храм Успения

В морозные дни первой зимы встал вопрос о печке для храма, и вскоре в четверике появилась буржуйка, вещь с характером, о которой вспоминают все прихожане тех лет. «Вместо печки была бочка с трубой, которая очень гудела, когда туда дрова бросали». (Татьяна Никитина) «Тогда народу мало было, и как холодно вокруг становится – железную бочку нагревали... в бочку дрова-то кидали, круглая такая бочка, разом накаливалась. И что ни надымит – все вверх, заслонки-то у нас не было... Грелись кругом все вместе. Руки нагреем, потом ноги нагреем, потом снова руки...» (Вера Степановна) «Еще в 91-м году буржуйка была – из бочки двухсотлитровой, набок сваленной, метровые поленья по-

долгу в ней с воем прогорали, тяга у нее была как у реактивного самолета. Сколько юбок сестры о нее пожгли...» (Павел Балакирев)

Между тем, старались уже и внутри храма добиться некоторого церковного благолепия. Валентина Ивановна Черпинская вспоминает: «Нам предложили войти внутрь церкви и поставить свечку. Земляной пол, присыпанный опилками... Перед двумя бумажными иконами воображаемого алтаря горели лампадки, чувствовалась заботливая рука человека, но все было так пусто, убого, что сердце заныло, когда ставили свечи в песок подсвечника в виде простого ящика. Невольно думалось о том, сколько же времени и сил потребуется, чтобы восстановить жизнь в храме».

**Второе посещение Святейшим Патриархом Алексием
Храма Успения Пресвятой Богородицы в Архангельском-Тюриково
в Великую Субботу, 1998 г.**

(фото из Журнала Московской Патриархии, 1998 г., №6)

Помимо первичного обустройства храма и церковного двора восстановители были озабочены тем, чтобы добиться разрешения в Московской Патриархии о назначении в храм настоятеля. Священники близлежащих храмов не имели возможности духовно возглавить инициативу общины трудников и лишь изредка появлялись здесь со словами поддержки. Так, для установки и освящения временного деревянного креста на четверике храма однажды был приглашен настоятель храма свв. Бориса и Глеба в Дегунино протоиерей Георгий Таранушенко. О начавшихся здесь работах была извещена канцелярия Московской Патриархии, знал о стремлении возродить духовную жизнь в храме благочинный Троицкого округа архиман-

дрит Иона (ныне архиепископ Астраханский и Енотаевский).

Весной 1991 года, в один из воскресных дней в храм неожиданно приехал Святейший Патриарх Алексий II. Вероятно, это было первое патриаршее посещение в двухсотпятидесятилетней истории Успенского храма. В один из последующих своих приездов в Архангельское-Тюриково Его Святейшество вспоминал о «плачевном руинированном состоянии храма» в то время. «Однако же дело наше благословил», – вспоминает Сергей Кораблев.

После посещения Патриарха еще более насущным стал вопрос о поисках священника. Было собрано необходимое число подписей и подано прошение о регистрации прихода и назначении отца-настоятеля.

Свидетельство от первого лица

Слово - отцу Константину

После жизненных поисков и метаний мы с супругой Натальей обрели пристанище в храме московского Рождественского монастыря. Там сформировалась «двадцатка», и мирянская инициатива «снизу» нашла поддержку в Патриархии, так что после не слишком продолжительного ожидания в храм был назначен настоятель. Им оказался бывший клирик Елоховского Богоявленского собора протоиерей Герасим Иванов. Рождественский собор, один из древнейших московских храмов, тогда был вовсе необустроен: отсутствовал иконостас, утварь в алтаре... Но была кровля над уцелевшими сводами, а главное – имелась община молодых верующих людей, способных обеспечить и провести богослужение. Там был собран прекрасный хор (кажется, один из лучших в то время в Москве). Наташа и руководила клиросом, и проводила занятия с желающими научиться церковному пению. К тому времени у нее уже был за плечами некоторый певческий и регентский опыт, приобретенный в храме Воскресения Словущего на Успенском Бражке.

Я служил алтарником, уставщиком и чтецом. Как отмечено в моей трудовой книжке, «зачислен на должность алтарника храма Рождества Пресвятой Богородицы». Все свободное от богослужений время я посвящал обустройству храма, сам не ведая того, что этот хозяйский опыт скоро весьма при-

годится в более трудных и ответственных – «полевых» условиях.

Один раз в неделю, обычно в будничный вечер, я ездил к духовнику в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Там во время монастырской службы или после ее завершения я исповедовался и решал с батюшкой свои насущные духовные вопросы. Однажды духовник предложил пройти к нему в братский корпус, и мы из храма отправились туда. В келье монах дал мне ручку с листом бумаги и велел написать прошение.

– Какое прошение?

– На имя Его Святейшества. Я продиктую, а ты пиши.

– ??

– Пиши: «...Прошу рукоположить меня в диаконский сан...»

– ??

– Написал? Подписывайся. Надоел ты мне. Ездишь, исповедуешься... Скоро сам будешь исповедывать.

– ??

– Давай ручку.

Я передал ему ручку, и он начал что-то писать на чистом листе. Я не успел еще осознать, что жизнь моя уже изменилась непостижимым образом.

– Что Вы пишете?

– Рекомендацию к твоему прошению. Благословляю тебя два эти документа передать в Троицкое благочиние в Москве.

Он подробно объяснил как, где и когда я смогу найти отца благочинного, и предложил проводить меня

до ворот обители. Мы спустились на крыльцо Троицкого келейного корпуса, который находится в глубине монастырского двора левее собора, если смотреть со стороны алтаря. Была морозная ноябрьская ночь, Лавра уже спала. Вдруг с колокольни послышался звон. Это было удивительно и неправдоподобно. Я спросил:

– Отчего звонят? Ведь никакого праздника сегодня нет. Да и час уже поздний, неурочный.

– Не знаю. Должно быть, приехал кто-то из архиереев, или сам Святейший.

Кутая лица от пронизывающего ветра, мы молча подходили к Троицкому собору, и вдруг я заметил, что какой-то монах суетливо открывает ключом дверь. Обернувшись направо, в нескольких шагах от себя я увидел Патриарха в белом куколе, четко вырисовывавшемся в ночном мгле. Он шел в сопровождении двух человек нам наперерез, направляясь как раз к той двери Никоновского придела, которую отпирал заботливый монах. Нужно было либо пройти быстро перед лицом Его Святейшества, заставив его приостановиться, либо пропустить его перед собой. Мы замедлили шаг и поклонились. Он поравнялся с нами. Я испросил благословения, и Патриарх благословил меня своей теплой рукой.

Знал ли он в ту минуту, на что благословил меня? Знал ли, что при мне было прошение на его имя и рекомендация стоявшего рядом духовника? Знал ли, что через несколько месяцев будет рукополагать меня в священный сан?..

Бог устроил так, что я в тот же час, как написал прошение на имя Святейшего, получил от него патриаршее благословение.

Дома я показал оба письма жене. Наташа прочитала обе грамоты, загрустила и даже заплакала. Сказала, что «жизнь кончилась». Я пытался пошутить, говоря, что «начинается житие», но она не перестала горевать. Вскоре состоялось знакомство с благочинным архимандритом Ионой в Крестовоздвиженском храме в Алтуфьево. Потом меня неожиданно вызвали на Епархиальный совет, где я прошел нечто вроде собеседования или экзамена (что-то читал, отвечал на какие-то вопросы...). Как-то раз мне позвонили поздно вечером домой и обязали явиться к началу всенощного бдения в Елоховский Богоявленский собор – в подряснике. Этот подрясник накануне мне дал духовник, так что срочно пришлось перешить его на мой рост. В соборе мне подрясник освятили, и я читал в нем Шестопсалмие. Викарный епископ Арсений посвятил меня в чин чтеца и иподиакона, а наутро на патриаршем богослужении я был рукоположен в диаконский сан.

Это произошло 8-го марта, в Прощеное воскресенье, совпавшее в 1992 году с днем Обретения Честной Главы Иоанна Предтечи.

Первую неделю я проходил практику в соборе, потом ежедневно служил у благочинного в Крестовоздвиженском храме. Диаконом я пробыл ровно Великий Пост и Светлую Пасхальную седмицу. Отец Иона сразу настраивал

меня на то, что в диаконах мне ходить придется недолго.

В один из пригожих дней он показал мне храм, который в скором времени мне предстояло обживать. Мы сели в машину и через десять минут езды по незнакомой лесной дороге приехали к развалинам небольшой церквушки. Все стены были изуродованы и покорежены, колокольня – без главки и креста, с выбоинами и растущими на ярусе звонов березками. Алтарь отсутствовал вообще. Там, где должно было быть горнее место, возвышался нелепый сруб наподобие деревянного колодца. Все окна были наглухо заложены кирпичом. Сверху храм покрывала бесформенная рубероидная кровля, над которой возвышался деревянный барабанчик с непропорционально маленькой главкой и желтым крестом. Кто-то открыл боковую самодельную дверь храма, и мы вошли во тьму, где под ногами ощущался рыхлый песок. Две бумажные иконы размером с небольшой плакат да поставленные перед ними ящики с песком, в которые можно было втыкать свечи – вот и все внутреннее убранство храма. Во дворе стоял невзрачный обитый жестью зеленый вагончик, под ногами слякоть. Вокруг, кроме одной-единственной избы, никакого жилья – лишь с западной стороны лес, а с восточной – неоттаявшие огороды и поля (вскоре я узнал, что это не поля, а городская свалка).

Как бы то ни было, знакомство с местом будущего служения состоялось, и мы с благочинным поехали обратно той же живописной лесной дорогой.

Второй раз я появился в храме Успения в один из воскресных дней Великого Поста. Шел в диаконском подряснике от Дмитровского шоссе через парк и, помнится, заплутал, не зная дороги, так что попал в сугроб и набрал полные сапоги снега. Подходя ко храму с северной стороны, я еще издали увидел с десяток человек, трудившихся на церковном дворе. Моего приезда ожидали: на костре, точнее, на очаге, сложенном из кирпичей, готовился обед. Меня пригласили к столу, я, конечно, не отказался. В миску по-походному наложили пищу и начали было есть, но вдруг я предложил:

– А давайте перед трапезой помолимся...

– Давайте, – поддержали все, – а как?

– Повернемся к храму и пропоем «Отче наш».

– Замечательно! – ложки дружно ударились о стол. Мы все вместе запели молитву... А до конца я довел ее один.

Оказалось, что больше никто толком не знает слов. Это было для меня сильным потрясением. Через несколько недель я окажусь в этом месте в качестве священника, призванного наладить здесь литургическую службу. Только каким образом? Храм представляет собой лишённые алтаря руины, так что молиться негде. К тому же община, мягко говоря, не готова к участию в богослужении, так что служить не с кем. Да, это был не храм Рождества Богородицы, под сводами которого собрались имевшие опыт клиросного пения и чтения люди, учившиеся в консерватории или на филфаке МГУ...

Архимандрит Иона благословляет Успенской иконой начало богослужбной жизни в нашем храме. Справа стоят: диакон Константин Буфеев и С.С. Кузнецов

«Христос воскрес из мертвых...»

Пасху я служил в Крестовоздвиженском храме у благочинного, а наутро архимандрит Иона (Карпунин) вместе со мной отправился в Архангельское - Тюриково, чтобы пасхальным чином освятить куличи на месте, где вот-вот должна была начаться самостоятельная духовная жизнь. С нами приехал протоиерей Александр Киреев и несколько певчих из Крестовоздвиженского. Приезда благочинного ожидало человек десять. Крестным ходом мы обошли вокруг разрушенного Успенского храма. Отец Иона окропил церковные стены со всех четырех сторон святой водой. Все ощущали торжественную пасхальную радость, перекрывавшую уныние печальных руин. Этот пасхальный крестный ход явился первым молебном перед началом приходской жизни в Архангельском-Тюриково.

Первый Пасхальный Крестный ход

Диакон Константин Буфеев во время Крестного хода – за неделю до рукоположения в священники и назначения настоятелем храма Успения

Третьего мая, на Красную Горку, Святейшим Патриархом Алексием я был рукоположен в священнический сан в Троицком соборе Свято-Даниловского монастыря. Неделю проходил практику в Елоховском Богоявленском соборе и был направлен к благочинному патриаршим Указом: *«Священник Константин Валентинович Буфеев, клирик Крестовоздвиженского храма в Алтуфьеве г. Москвы, назначается Нами и.о. настоятеля вновь открываемого Успенского храма в Архангельском-Тюрикове, с оставлением несения приходского послушания в Крестовоздвиженском храме, что в Алтуфьеве и получения содержания в обоих храмах. Алексий, Патриарх Московский и всея Руси»* (Указ № 1762).

Согласно этому Указу, храм Успения в Архангельском-Тюриково открывался не как приписной к Крестовоздвиженскому, а как самостоятельная церковная единица, но обязанности настоятеля были возложены на меня, как на клирика Алтуфьевского храма. Сам благочинный архимандрит Иона не верил, что в ближайшие год-другой в Успенском храме возможно будет начать регулярное богослужение. Поэтому он и ходатайствовал о том, чтобы я оставался клириком Крестовоздвиженского храма, уделяя посильное внимание восстановлению приходской жизни в Архангельском-Тюриково.

Но Господь судил иначе.

В неделю Жен Мироносиц, 10 мая 1992 года, мы провели под сводами храма Успения первое богослужение. Это был чин обедницы с

чтением праздничных Апостола и Евангелия. Такой чин мы стали неукоснительно проводить во все воскресные и праздничные дни до самого Успения Пресвятой Богородицы.

Кроме того, со следующей субботы мы начали регулярно служить всенощное бдение под воскресенье.

Кто «мы»? За предстоятеля, диакона и пономаря поначалу пришлось быть мне. Читал я сам не только Апостол и Евангелие, но даже Шестопсалмие, поскольку доверить чтение больше было некому. За все пение и отчасти за чтение – отвечать выпало супруге. Богослужебные книги приходилось каждый раз привозить с собой из дома (мы жили тогда в Измайлово), поскольку оставлять их в храме было небезопасно, да и просто негде.

Отец Герасим просил матушку остаться регентом в Рождественском храме, но она ответила однозначно, что будет с мужем. Промыслом Божиим было предопределено Рождественскому храму вскоре преобразоваться в женский монастырь, а место нашей временной общины «первооткрывателей» заняли сестры-монахини. Нас же с матушкой Натальей незадолго перед тем Господь поставил служить в храме Успения в Архангельском-Тюриково.

* * *

Матушка Наталья приехала сюда впервые в неделю Жен Мироносиц и вспоминает об этом сегодня так:

– Батюшка, когда съездил в храм с владыкой Ионой, мне потом рассказывал: «Такой храм замечательный, такое место прекрасное – люди,

правда, нецерковные, одна только женщина под благословение подошла. Но все замечательно, все хорошо!» Когда я увидела, как здесь «хорошо» – у меня потрясение было. Рыдала всю неделю до следующей службы. В храме была жуткая разруха, холод, песок, который без конца набивался в обувь... Жизнь здесь какая-то деревенская была – дрова, костер... ведь еду на костре готовили. А еще первый год был очень дождливый, так что все вокруг в рост пустилось. Кругом комарье, грязь страшная, и когда мы из храма с четырехмесячным Федором на метро домой в Измайлово возвращались, выглядели, я чувствовала, как дикири.

* * *

С чего начинать возрождение церковной жизни в таком необустроенном месте?

Наш опыт показывает, что начинать следует с молитвы, то есть с посильного и усердного проведения уставного богослужения. Не ждать, пока храм будет подготовлен, отстроен и благолепно украшен, или пока будет собран и обучен церковный хор – само по себе ни то, ни другое не произойдет никогда. Церковный хор не может существовать вне храма, он может формироваться только в процессе подготовки и проведения богослужения. Надо начинать «намаливать» храм сразу, чтобы он был живым, чтобы молитва освящала место.

Итак, пастырская задача заключалась в том, чтобы скудными силами, имеющимися в нашем распоря-

жении, создать общину людей, способных обеспечить восстановление храма одновременно с проведением благолепного богослужения. Задача эта – на первый взгляд невыполнимая, но у нас с матушкой был опыт возрождения духовной жизни в Рождественском монастыре. Если бы других помощников не оказалось ни одного, мы какое-то время могли бы проводить богослужения вдвоем. У меня был задел в изучении церковного Устава, и я в целом знал **что** следует делать. У нее был задел в регентском опыте, и она знала **как** это следует делать.

С первых же дней мы стали привлекать трудников, собиравшихся вокруг храма, к участию в богослужении. Это оказалось не такой простой задачей. Пришлось проводить индивидуальные занятия с некоторыми из прихожан по чтению церковно-славянских текстов. Стали учить молитвы «Отче наш», «Богородице Дево», «Достойно есть» и другие. Я давал задания и принимал зачеты. Кому-то постепенно стало возможным доверить чтение Трисвятого или Псалма 50-го, а через некоторое время – даже Часов и Шестопсалмия. С мая по август Апостол читал я лично, впервые – на Успение – чтение Апостола было доверено Сергею Владимировичу Григорьеву, который с тех пор стал в храме старшим алтарником, моим постоянным помощником. Матушка начала проводить регулярные спевки и учить желающих основам клиросного пения. Практически никто вначале не знал ни нот, ни даже славянских букв.

Павел Балакирев, один из первых прихожан, вспоминает:

– Батюшка пришел и стал с каждым знакомиться, стал узнавать степень воцерковленности каждого. Ведь начались богослужения, а у него, кроме матушки, никаких помощников. Вот и начал людей привлекать к службе: выучить то-то и то-то, по-церковнославянски читать учил... Все учились по мере возможности и желания. Скоро алтарники появились, первый – Сергей Владимирович, потому что самый опытный из нас был, читать по-церковнославянски немного умел и до этого уже ходил некоторое время в храм.

Сам Сергей Владимирович рассказывает:

– Алтарником (хотя алтаря тогда еще никакого и не было) я стал после того, как однажды батюшка попросил меня во время богослужения сходить за кадилом. Угли для кадила разжигались тогда на железной печке, около которой я и стоял. Следивший за этим С.И. Кораблев пел в тот момент на клиросе, и мне самостоятельно пришлось «зарядить» кадило и подать его батюшке. С этого и началось мое алтарное служение.

Матушка свидетельствует о своих поисках людей для хора:

– Хотелось найти помоложе. Первыми стали Таня Сенкевич (Герасимова), Марина Новикова и Кораблев Сергей Иванович. Это был первый наш хор в четыре человека. Чуть позже Олег Шишихин пришел за батюшкой из Крестовоздвиженского храма.

Потом хор постепенно стал пополняться новыми певчими. Татьяна

Никитина вспоминает:

– Я пришла к матушке и говорю, что меня монах один в Мордовии благословил в свое время петь. Она спрашивает, каким голосом я пою. «Не знаю... тоненьким». Она: «Это первый голос». Пришла я на спевку впервые – просто, думаю, в сторонке, послушаю. А матушка говорит, что слушать некогда, петь надо. «Но я ведь не знаю ничего – ни нот, ни... ничего, в общем!» Матушка объяснила быстро: «Это – низ, это – верх, чего же тут непонятного?» И я сразу стала петь. Поначалу у нас многих нот не было, не все гласы знали, многое пели на 4-й...

* * *

Несколько раз мы с матушкой приглашали в качестве помощников в богослужении старых знакомых из общины бывшего Рождественского монастыря. Но вскоре стало ясно, что на гостей рассчитывать не стоит. Для стабильной богослужебной жизни прихода надо создавать свои кадры, пусть пока еще не обученные, но верные. Собственных «духовных чад» я, как молодой и только что рукоположенный священник, иметь еще не мог, а чужие «духовные чада», разумеется, за мной пойти не могли. Воспитание своих певчих, чтецов, алтарников, церковниц стало главной и труднейшей пастырской задачей.

Начало проведения богослужений кого-то вдохновило на участие в них, но вскоре для всех стало очевидным, что церковная служба – не только удовольствие, но и большой труд, требующий сил и подготовки.

К этому труду оказались готовы далеко не все. Большая часть людей, собравшихся при храме, откровенно тяготились богослужением, не видя в нем смысла и значения. Многие не прочь были участвовать в хозяйственных делах – пилить бревно, корчевать корягу или разгребать мусор, но выслушать Праздничное Евангелие считали тяжким бременем. Настоятельное требование всем собираться хотя бы к чтению Евангелия было воспринято иными как неоправданное отвлечение от более важных дел.

– Нам сейчас надо не молиться, а строиться, – говорили такие.

Но никакие профессиональные работы по восстановлению храма нам не суждено было начать еще целых три года, поскольку денег не хватало даже на гвозди.

Единственное, что было нам тогда по силам – обустроить храм для богослужения.

Недорогое желтое облачение удалось купить в магазине «Софрино».

Но не было ничего из того, что полагается иметь в алтаре, кроме одной-единственной разножки, на которую можно было положить Евангелие и Служебник. Евангелие я использовал поначалу не богослужебное, а домашнее, с параллельными церковнославянским и русским текстами. К Успенским торжествам пришлось одолжить требное церковное Евангелие у отца Артемия Владимирова. Набор основных богослужебных книг (Минеи, Октоих, Триоди, Часослов) у нас имелся личный, домашний.

Все ресурсы прихода были направлены на работы по временному

обустройству храма для проведения первой Божественной литургии. Поскольку алтарь был разрушен почти до основания, необходимо было соорудить временный алтарь под сводом четверика. Это оказалось правильным и разумным решением, к осуществлению которого мы дружно приступили. Задача была поставлена такая: обеспечить оборудование временного алтаря к престольному празднику Успения, то есть к 28-му августа.

Общее руководство работами осуществлялось мною, главным исполнителем был Сергей Кораблев, участвовали все. Требовалось сделать: иконостас с царскими вратами и завесой, внутри алтаря поставить престол, жертвенник и умывальник, а также оборудовать место для разжигания угля, хранения кадила, ладана и т.п. С Божьей помощью все это удалось осуществить. Легкое временное сооружение, скроенное наподобие театральных декораций из фанеры и оргалита, первый иконостас был украшен по верху рядом картонных икон Дванадцатых праздников и в целом смотрелся достаточно неплохо. Престол и жертвенник были сделаны С. Кораблевым особенно тщательно и добросовестно. На них и поныне совершается литургическое богослужение.

* * *

– Поставили задачу к первому престольному празднику литургию отслужить, а для этого надо было алтарную часть отгородить, временный иконостас построить, пол, солею и престол, да еще облачение для него пошить. Летом 92-го все силы

на это брошены были, все руки свободные использовались. (Павел Балакирев)

– Батюшка изо всех сил старался все для литургии подготовить. Понимал так, что литургия – кровь жизни храмовой, особенно в церкви новооткрытой, без литургии ничего не будет – ни восстановления, ни народа. А для литургии много чего нужно отстроить и отделать. (Матушка Наталья)

* * *

В нужный момент на приходе вдруг оказался некий благодетель по имени Сергей, который помог приобрести даже вещи роскошные и незапланированные – позолоченный семисвечник в алтарь и несколько подсвечников для храма. Человек этот исчез так же неожиданно, как и появился, но интерьер церкви после него сразу преобразился. Несмотря на уродливые выщербленные стены, внутри стало уютно и светло. Денег в аккурат хватило и на приобретение досок для пола.

До Петрова дня пол в храме был земляной. Для того, чтобы совершить коленопреклоненные молитвы в день св. Пятидесятницы, Кораблев принес из Театра Советской Армии, где он тогда служил рабочим сцены, куски старой фанерной декорации.

* * *

Вот воспоминание Людмилы Поздняк о первом празднике Троицы:

– Вошли в полутемный храм. По земляному полу, перепрыгивая через ямки какие-то, прошли вперед, где на кусочке картонки на коленях

о. Константин стоял и молился. А перед ним – стульчик с иконой.

Когда же доски были доставлены, их не сразу прибили к балкам.

– Необструганные сосновые доски между собой также ничем не скреплялись, так что вскоре они начали расходиться и скрипеть. «Играли» под ногами, прямо как гнилые доски на первых лесах. Приподнимались и с громкими хлопками возвращались на свое место, стоило встать на края их около стены, чтобы приложиться к какой-нибудь из икон.

Вспоминают:

– Полы, правда, были необструганные, шершавые такие, белые полы. К каждому празднику эти полы мыть сестры собирались – клич такой бросался. И вот мы драили эти полы песком, камнями какими-то, чтобы они почище были. В занозах все, белые, а мы их драим и драим...

* * *

К началу Успенского поста стало ясно, что храм удалось временно оборудовать к служению первой литургии. Хотя в это трудно и даже невозможно было поверить. Это было несомненным чудом. При отсутствии денег, стройматериалов, профессиональных рабочих, в храме появился временный алтарь, да еще не на песке, а на сколоченном твердом деревянном помосте с небольшой солейей для совершения Великого входа.

Встал насущный вопрос о получении в храм Антиминса для служения Евхаристии. Когда я сообщил об этом отцу благочинному, он сперва просто не поверил, что я говорю серьезно. Но когда архиман-

дрит Иона (Карпухин) Успенским постом приехал посмотреть на плоды наших летних трудов, то умилился, совершил малое освящение алтаря и велел писать прошение на имя Святейшего Патриарха о выдаче храму Антиминса. Времени до Успения оставалось совсем мало. Я понимал, что от того, будем ли мы служить первую литургию на престольный праздник, или нет, зависит вся дальнейшая жизнь прихода. Если Антиминс получим – зиму мы проведем как действующий храм. Если начать служение литургии не удастся, осенью храм придется закрывать до следующей Пасхи.

Успенский пост провели в усердных работах, строгом говении и молитве. Накануне я съездил в Патриархию и... получил драгоценное сокровище – Антиминс, выданный Патриархом для нашего храма. Чудо свершилось. Явное благословение Божие было в том, что в такой разрухе и необустроенности удалось получить главное – право законного служения Евхаристии.

– Батюшка прошение написал и долго гадали: дадут или не дадут?.. 27-го с утра он поехал в Патриархию и вернулся с Антиминсом. И 28 августа мы впервые здесь причащались. (Матушка Наталья)

Первый раз мы провели не обедницу, но полный чин Божественной Литургии с причащением всего прихода. Не обошлось без конфуза. С вечера после всенощной я предусмотрительно попросил алтарников приготовить поутру для причастия теплоту.

– А что такое «теплота»?

– Это просто кипяченая вода.

– Будет сделано.

Когда же после пресуществления Святых Даров я влил, как положено, теплоту в чашу, оказалось, что вода не горячая, а остывшая.

– Но она же кипяченая, как Вы просили, – сказали мне.

Разумеется, эта оплошность впредь больше не повторялась, а в тот счастливый день она не помешала нам радоваться первому причащению в родном храме.

* * *

Искушения начались в следующий же воскресный день. Староста прихода С.С. Кузнецов после литургии отозвал меня для разговора в сторону и сказал, что, по его мнению, храм в скором времени придется закрывать и опечатывать на зиму, чтобы вновь продолжать молитвенную и строительную жизнь уже по весне. Соображения его были таковы, что скоро пойдут «косые дожди», а за ними полетят «белые мухи», и «в сугробах» приходская жизнь заведомо окажется невозможной. Эти рассуждения, без сомнения, были справедливы с точки зрения мирской, но поступить так означало для меня отвергнуть ту милость Божью, которая только что была дана нам – возможность служить в храме Божественную литургию. Я заметил Сергею Семеновичу, что, получив Антиминс, я решительно не намерен распускать приход, но, напротив, мы пойдем в зиму и обязательно будем проводить все праздничные и воскресные службы. Он сказал: «Посмотрим...». Стало ясно, что, к сожалению, мы – не единомышленники. Я имел дело с

человеком, хотя и добивавшимся моего назначения на приход в качестве настоятеля, но не готовым к церковному послушанию и не имеющим доверия ко мне как к священнику-пастырю.

Прежде этого разногласия у нас уже возникали противоречия, но не столь принципиальные. К примеру, когда летом пришла необходимость совершить в нашем храме первое крещение, я предложил провести его с полным погружением в одной из стоявших во дворе ванн. Сергей Семенович заявил тогда, что, по его мнению, крестить можно и без погружения, путем обливания. Ванна же нужна для цементного раствора. Конечно, он был неправ. Мы с самого первого крещения начали осущестлять таинство, как это положено по каноническим нормам Церкви. Община поддержала меня, а не его. Для бетонных работ вскоре нашлась другая ванна, а эту в тот же час установили на козлы и приспособили для крещения взрослых людей. Вычистил ее до блеска сам крещаемый (один из Сергеев) и все кончилось благополучно, если не считать очередной обиды старосты.

Прав С.С. Кузнецов оказался в том, что после летнего трудового муравейника с началом осенних дождей жизнь на приходе поутихла. Работы во дворе стали не так приятны, и, в основном, сводились лишь к обеспечению дровами буржуйки в храме и другой печки в зеленом вагончике. Ни о какой реставрации, разумеется, даже и думать не приходилось. Так что «восстановителям» делать было вроде и нечего. Началась чисто молитвенная, а не строитель-

ная жизнь прихода. Жизнь трудная, но вдохновенная. Кого тяготила церковная молитва, тот постепенно перестал появляться в храме. Бывший «клуб по интересам» стал преображаться в православный приход, где от каждого трудника требовалось участие в молитвенной жизни общины.

* * *

Но неправ Сергей Семенович оказался в своем предсказании о том, что мы всю зиму проводить богослужения не осилим. В молитве приход стал крепчать. Хор, хотя и небольшой, быстро совершенствовал искусство пения – от нулевого до некоторого вполне приличного. К Рождеству были пошиты белые аналойники, к Великому Посту – темные, к Пасхе – красные. Перед началом Страстной Седмицы удалось приобрести в букинистическом магазине недорогое на престольное Евангелие – книгу начала XIX века большого размера с хорошо сохранившимися страницами и плоховатым переплетом (позднее усердием прихожанок Валентины и Татьяны это Евангелие облеклось прекрасным новым кожаным переплетом в старинном стиле). Так что, в целом, храм даже заметно украсился.

Одновременно формировался состав будущего прихода. Новенькие появлялись по одному-два и кое-кто оставался, выбирая храм Успения местом своей «духовной прописки». Людей, привычных к традиционному храмовому благочестию, было у нас немного. Все без исключения прихожане несли на себе печать со-

ветского безбожного воспитания. Кое-кто побывал в сектах, в Белом братстве, в Богородичном центре, в движении Порфирия Иванова, в Братстве священника Георгия Кочеткова, в оккультных эзотерических кругах, у протестантов.

Кто-то пришел сюда в поисках духовного отца и желания молиться.

Кого-то я крестил, кого-то венчал, кто-то обращался к Православной Церкви после покаяния, кто-то просто, находясь в духовном поиске, обретал под сводами нашего храма то, что искал.

Сегодня, обращаясь мысленным взором вспять, можно сказать, что храм за минувшие годы не только пополнялся новыми людьми, но и потерял несколько верных своих членов. Смерть разлучила нас с супругами Александром и Таисией Басовыми, рабами Божиими Вячеславом, Варварой, отроком Александром, Иоанной, Еленой, Алексием. Их погребение стало делом всей общины, и молитвенная связь с ними укрепила нас, несмотря на невосполнимую утрату. Но, в целом, конечно, приход растет и молодеет. Большинство прихожан – семейные, и количество младенцев и отроков с каждым годом заметно возрастает.

С появлением новых прихожан в храме стали появляться иконы. Люди жертвовали свои домашние святыни и передавали те иконы из закрытых храмов, которые им удалось сохранить от разорения. Заметными благоуукрашителями стали супруги скульпторы Вячеслав Шестопалов и Анфиса Завидонская, передавшие храму, помимо прочих, крупные иконы Успения Пресвятой Богородицы

Напрестольное Евангелие

и Иоанна Предтечи XVIII века из разрушенного храма близ Ростова Великого. Ряд икон передали супруги Александр и Людмила Поздняки и их дочь Наталья. Художник Николай Вечтомов пожертвовал образ Спаса Вседержителя начала XIX века и первый небольшой колокол. Усердием добровольных жертвователей храм заметно украсился. Десятки старинных икон ныне собраны в храме Успения.

* * *

К ноябрю стало очевидно, что, несмотря на многие трудности и довольно скромный стиль проведения богослужения, мы, тем не менее, являем собой дееспособную общину. Это осознание побудило обратиться к благочинному архимандриту Ионе с просьбой освободить меня от послушания в

**Архиепископ Астраханский и
Енотаевский Иона**

Крестовоздвиженском храме для того, чтобы все силы, не рассеивая внимания, направлять на созидание церковной приходской жизни в Архангельском-Тюриково. Дело в том, что с мая по август я служил по будням чредную литургию в Крестовоздвиженском храме несколько раз в неделю. До начала литургического служения в Успенском храме я проводил раннюю литургию по воскресным дням в Алтуфьево, а потом бежал пешком по тропинке – через МКАД, поле и лес – проводить обедницу на своем приходе. Это было довольно утомительно.

После праздника Успения я стал бывать в Крестовоздвиженском храме лишь два раза в неделю по будням, а все праздничные и воскресные дни служил со своей общиной.

Отец Иона верно оценил, что наш приход жизнеспособен, и отпустил меня с первого декабря на всецелое пастырское служение в храме Успения. Сам же он продолжал изредка навещать наш приход – даже и после того, как стал архиепископом и возглавил Астраханскую кафедру. Архиепископ Астраханский и Енотаевский Иона является основателем и открывателем храма Успения Пресвятой Богородицы в Архангельском-Тюриково в 1992 году, поскольку именно он в бытность благочинным нашего округа так много сделал для начала и развития самостоятельной жизни Прихода.

Для меня же с уходом из Крестовоздвиженского храма все мосты для отступления были сожжены.

Начиная с декабря, мы стали чаще проводить не только праздничные, но и будничные богослужения. Усердно провели Святки, Великий Пост, Пасхальную Светлую Седмицу и вскоре отметили годовщину начала молитвенной жизни на приходе. Дальше год за годом стали набирать опыт в богослужении, шить облачения, реставрировать храм, осваивать церковную землю и, с Божьей помощью, обустраивать приусадебное церковное хозяйство.

* * *

В каком порядке шло восстановление храма?

Сперва, как было уже отмечено, соорудили временный алтарь в четверике.

После этого была поставлена задача восстановить алтарь. Требовалось укрепить разрушенный фундамент, отстроить апсиду с окнами и воз-

вести кирпичный свод. Выполнены эти работы были под руководством архитектора Б.В. Маркуса. После строительства алтаря и переноса в него престола с жертвенником мы смогли освободить пространство храма и увеличить место для молящихся.

Вслед за этим восстановили лестницу на колокольню. На самой колокольне установили временный деревянный крест. Долгими и кропотливыми оказались работы по вычинке внешних стен храма – восстановление формы окон, дверных порталов, карнизов и других элементов декора. Эти работы проходили под общим руководством архитектора В.И. Якубени. Он же составил проект восстановления каменных барабанов на четверике и колокольне, а также главок и позолоченных крестов над ними. Установка крестов была выполнена вручную. Крест на четверик был воздвигнут на Маккавейский

Спас, Крест на колокольню – в день Крестовоздвижения. Это стало поводом для ликования и радости всего прихода.

После восстановления кирпичного свода в трапезной части храма удалось перейти к штукатурным работам. По счастливой случайности (или по промыслению Божию) нам попалась бригада штукатуров (старший – раб Божий Николай), которые работали не с цементным раствором, но только с чистым известковым, более подходящим для покрытия старинной кирпичной кладки. Главным преимуществом такой штукатурки было то, что по ней впоследствии можно было сделать фреску с соблюдением традиционной древнерусской технологии росписи по сырой известковой поверхности.

После выполнения штукатурных работ храм несколько лет стоял с гладкими серыми сводами, величественной пустотой своей напоминая

**Иконописцы
за работой**

**Иконописец
В.С. Соколов
под сводом
храма Успения**

старинные белокаменные палаты. За год до празднования 250-летнего юбилея храма начали работу иконописцы-изографы во главе с опытным церковным художником В.С. Соколовым.

Царские врата с сенью и иконы местного ряда иконостаса были выполнены ученицей Владислава Степановича Екатериной Николашиной и Еленой Антоновой.

* * *

Первые колокола нашему храму преподнес супрефект М.В. Самохин в 1993 году. С тех пор колокольная ожила: праздничный трезвон постоянно оглашает окрестности. Добрые отношения и поныне связывают приход с Михаилом Владимировичем.

Более десяти лет на колокольне не было крупного колокола. В 2004 году прихожанин Сергей Сергеев предложил украсить колокольню 40-пудовым campanом (большого она не выдержит) и сам же стал главным жертвователем. В сборе необходимых оставшихся средств принял участие весь приход, свою лепту внес и глава управы «Северный» В.И. Киренкин. Колокол был отлит на Московском заводе «Литекс». В праздник Вознесения его освятил благочинный Троицкого благочиния протоиерей Сергей Киселев.

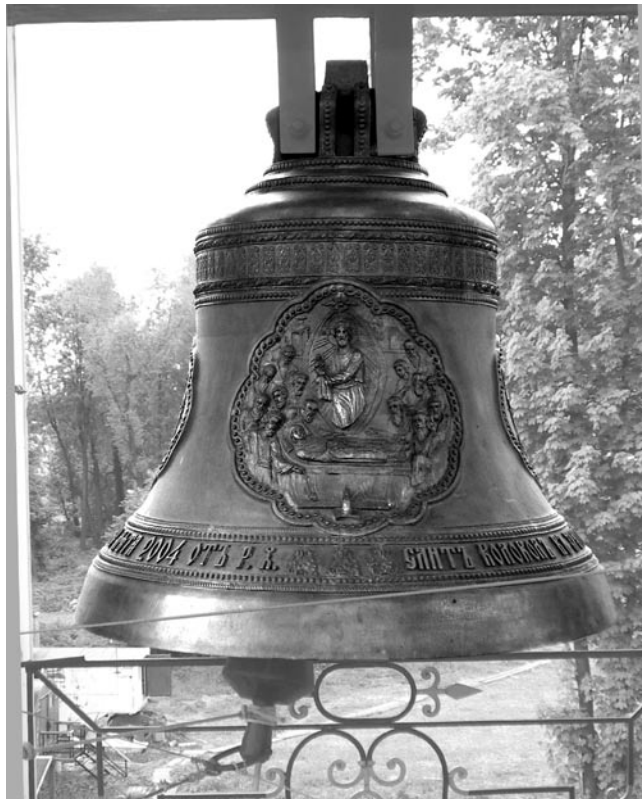
Знаменательно, что на колоколе изображены четыре иконных клейма – Успение Пресвятой Богородицы, Явление Божией

**Молебен
во время
освящения
колокола**

**«Освящается
кампан сей...»**

**Наш
сорокапудовик**

Матери прп. Сергию Радонежскому и два архангела, Михаил и Гавриил. Разгадать этот ребус нетрудно: колокол Успенского храма в Архангельском-Тюриково, где находится чудотворная икона Явления Божией Матери преподобному Сергию.

Приняла участие в благоустройстве храма и префектура Северо-Восточного административного округа – ее попечением площадь вокруг храма была выложена бетонной плиткой.

Завершение реставрационных работ в храме Успения выполнено под руководством архитектора Александра Борисовича Щукина.

Цветы вокруг храма прихожане начали высаживать с первого года

богослужений. Со временем нашелся и специалист по розам, раб Божий Георгий, труды которого радуют и тех, кто постоянно ходит в храм Успения, и тех, кто изредка посещает его.

Прихожане раскрыли свои таланты и в благоукрашении храма – есть свои иконописцы, резчики по дереву, мастера по изготовлению хоругвей (кажется, лучших в Москве). Всех талантов и не перечислить. Многие удалось выполнить своими руками. Кто трудится на огороде, кто на кухне. Строгая нянька, известная всему приходу баба Таня с голосом игуменьи, посматривает за играющими на церковном дворе детишками.

Крестный ход на Богоявление

Шествие на крещенскую прорубь

Говоря о приходской жизни, стоит отметить некоторые сложившиеся у нас традиции. Так, на Пасху и Рождество, после ночных служб, и на Успение, после литургии в Престольный праздник, мы стараемся всегда проводить общеприходские трапезы. Иногда – под открытым небом, иногда – в помещении.

На Крещение мы вот уже много лет подряд ходим Крестным ходом на пруд и на «Иордани» совершаем великое водоосвящение. После этого многие стремятся искупаться. Я, как настоятель, всегда вхожу в прорубь первым. Потом – мужская половина прихода, затем – дети, и напоследок – сестры. Получаем заряд бодрости на целый год.

* * *

**Великое
водоосвящение
на Иордани**

Наш колодец

Колодец в храме удалось вырыть (содействием прихожанина Сергия Малышева) лишь пять лет назад, до этого воду доставляли в бидонах – с источника, что на расстоянии версты от храма. Трудно представить сегодня, как бедные наши братья и в зимнюю стужу, и в осеннюю распутицу ежедневно возили на тележке по два сорокалитровых бидона воды. А ведь вода нужна не только для того, чтобы чайку попить, щи сварить и руки помыть – и для крещения, и для строительных работ... Так что труд водовозов был поис-

тине подвижнический.

До строительства колодца мы несколько раз в год ходили крестным ходом освящать воду в том источнике, который давал нам живительную влагу. Ходили на Живоносный Источник, на Преполовление Пятидесятницы, на Маккавейский Спас, на Крестоводвижение. И, конечно же, – на Богоявление, ведь другого источника воды храм не имел. Теперь проще – колодец расположен у самых наших стен. Но любовь к крестным ходам мы сохранили.

* * *

**Молебен у Креста
на источнике**

Иные крестные ходы на тот же источник неоднократно приходилось проводить для воздвижения поклонных Крестов. Кресты эти, метра четыре-пять в длину, носили на руках. Помню, многократно мы эти Кресты ставили, а люди, обу-реваемые духом злобы – ниспро-вергали. Их и подпиливали, и под-рубали, и сжигали неоднократно, и

скверные надписи писали, и кошек распинали... Только в последние годы, кажется, стало спокойнее. Крест воспринимается теперь как привычная и неотъемлемая часть ландшафта. В этом, наверное, заключается призвание каждого хри-стианина – утверждать на земле святыни, чтобы все мы освящались от них.

**Крест
у поворота
к храму**

Другой поклонный Крест был установлен у поворота на Дмитровском шоссе. Он освящает перекресток и как бы указывает: «Это – дорога к храму». Вскоре по-

сле воздвижения этого Креста супрефект М.В. Самохин предложил перенести автобусную остановку ближе к повороту и дать ей новое название - «Храм Успения».

